

Вера Колочкова

...И мать их Софья

Часть сборника
Вера, надежда, любовь (сборник)

Вера Александровна Колочкова ...И мать их Софья

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168886

Вера Колочкова «Вера, надежда, любовь». Серия «Женские истории»: ЗАО Издательство

Центрполиграф; Москва; 2013

ISBN 978-5-227-04683-3

Аннотация

Софья. Женщина, от которой ушел муж. Ушел не просто к другой – к молоденькой девушке, подруге старшей дочери. Она переживает крах своей жизни. Но – было ли оно, это счастье? Может быть, Софье пришло время круто изменить свою жизнь и понять то, что прежде было ей недоступно...

Содержание

Соня	4
Мишель	15
Соня	19
Сашка	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Вера Колочкова ...И мать их Софья

София

София с трудом выбралась из привычного, уже навязчивого сна, который повторялся довольно часто, был странным, тревожным и необъяснимо тягостным. Во сне она мучительно что-то писала, вернее, пыталась писать. Отчего-то знала – так надо. А что именно должно было родиться из мук творчества – роман, повесть или рассказ, – так и не могла в момент пробуждения вспомнить. Нет, поначалу все было здорово, конечно, – сонные образы получались красивыми, точными, емкими, сверкали готовыми фразами, торопливо цеплялись одна за другую, образуя некую целостность, вызывая ощущение острой необходимости их записать. Скорее, скорее записать! Звонкое такое стремление, счастливое, похожее на прыжок в небо. Аж дух захватывало! А потом... Потом – полный провал. Конец. Вернее, начало сонного кошмара. Вот она садится, суетится памятью, берет перо и бумагу... И – стоп. И нет ничего. Из-под руки выползает грязное месиво из длинных сложносочиненных бессмысленных предложений, уродливых, нечитаемых, невнятных, больше похожих на бред сумасшедшего. Но образы-то были, точно были, хоть разорвись там, во сне! Она и разрывалась от раздражения, от тяжелой муки, просыпалась в холодном поту. Да еще и конец последнего предложения в момент пробуждения надолго застревал в голове, часто возвращался в течение дня, удивляя своей убогой словесной сумбуричностью. Зачем ей так часто снится этот мучительный литературный бред, она не понимала. Графоманией не увлекалась, и не пыталась даже. Кому рассказать – засмеют. Может, читать на ночь меньше надо? А может, и впрямь ее душа творчества требует? Хотя чего ей, душе, вдруг творчества захотелось – в такой-то момент...

Странно, как это ей вообще удалось заснуть этой ночью. Вернее, уже под утро, поскольку ночью ни София, ни три ее дочери не спали, а занимались каждая, собственно, своим делом. София или плакала, громко, с истерикой и причитаниями, или сидела, замерев, как сова, с широко открытыми пустыми глазами, а ее девочки – Мишка, Сашка и Машка – кружились вокруг нее испуганным хороводом с валерьянкой, мокрым полотенцем да сладким горячим чаем. Причина суматохи была банальной – от нее, от Софии, вчера ушел муж, Игорь, отец семейства, надежда и опора, добытчик и хранитель покоя, каменная стена, столько лет дававшая Софии надежную защиту. Наверное, было уже или очень позднее утро, или полдень; даже через натянутое на голову одеяло София слышала щебет птиц, чувствовала теплые лучи солнца, заполнившие комнату, ощущала веселые апрельские позывные, навстречу которым еще несколько дней назад легко соскочила бы с дивана, включила громкую музыку, вместе с первым глотком кофе услышала бы в себе знакомую радость беззаботности нового дня. Все кончилось катастрофой, поезд ее жизни сошел с рельсов, перевернулся. Она умерла, ее раздавило, разрезало на части, и при чем тут пробивающееся сквозь щели в одеяле солнце, при чем тут чириканье весенних птиц за окном, и ветер, ворвавшийся в открытую форточку и так некстати принесший с собой чувственные запахи теплой земли и прелых прошлогодних листьев?

Она не понимала, сколько времени лежит так, боясь пошевелиться. Как она ни старалась, все никак не удавалось примерить ситуацию на себя, слишком странно и нелепо по отношению к ней, к Софии, проклятая ситуация выглядела. Киношной какой-то, книжной, надуманной была ситуация. Это там с брошенными мужьями женщинами начинают происходить всяческие чудеса: поплакав чуть-чуть, они красиво и гордо вскидывают голову, обре-

тают себя заново, потом идут делать сумасшедшую карьеру, потом обязательно встречаются новую красивую любовь – лучше прежней. Нет, это все не для нее... Она не готова, она абсолютно не готова, она будет так тихонько, затаившись, лежать, может, все само собой как-то и утрясется, разрешится, может, сейчас придет Игорь и все объяснит, и они посмеются все вместе, и забудут эти последние тяжелые для всех дни. А иначе и быть не может! Игорь же понимает, что она другая, не как все те женщины, которые обретают себя, делают карьеру, встречаются новую любовь и далее, как говорится, по тексту...

И зачем она затеяла этот Мишкин день рождения! И дата у нее не круглая – двадцать три года, и не любит ее старшая дочка лишнего к себе внимания, и имени своего французского стесняется. В самом деле, ну какая она Мишель? Высокая, плотная, неуклюжая, с тяжелой походкой, вся в отцовскую медвежью основательную породу. И профессию себе дочь выбрала скучную – училась на факультете бухгалтерского учета в Финансовом институте. Училась, правда, хорошо, тянула на красный диплом. На день рождения пришла вся ее институтская группа – пятнадцать дружных хохотушек, радующихся поводу лишней раз повеселиться, потанцевать, поболтать. Сколько ни напрягала потом Соня память, а так и не смогла вспомнить лица той девочки, Эли, которая фактически увела за собой с того дня рождения Игоря, ее мужа. Вот так легко и просто увела, не приложив особых усилий, не напрягаясь. Еще фамилия у нее такая специфическая... У нее даже мысль тогда промелькнула, как удачно содержание совпало с формой... Нет, а правда, какая же у нее фамилия, у этой юной незадачливой совратительницы?

Вспомнила! Бусина у нее фамилия. Маленькая круглая бусина, без всяческих опознавательных знаков и отличий. Весь вечер с такой бок о бок просидишь, потом на улице встретишь и не узнаешь. Она бы – точно не узнала. А Игорь... Игоря с того самого дня она больше не видела. Ушел провожать Мишкиных гостей и больше не вернулся. Первые три дня она и не беспокоилась – мало ли, может, халтура какая подвернулась. Она вообще никогда не волновалась по поводу его длительного отсутствия. Так заведено было давно, с тех самых пор, как Игорь, потеряв постоянное место, стал заниматься частным извозом. Иногда и машину чью-нибудь подряжался перегнать в другой город. Всякое было. Можно сказать, он даже преуспел на этом тяжком поприще, то есть денег получалось добывать даже больше, чем на пресловутом и уныло «зарплатном» постоянном месте. Не пришел домой ночевать – значит, образовалась долгая поездка, значит, будут деньги. Такая вот у них меж собой была принята незыблемая установка. Даже мобильная связь в эту установку не вписывалась – не любил Игорь возиться с телефоном. И ей тоже казалось – так лучше. Незыблемость лучше любой мобильности. Другие скажут – ненормальная установка, очень странная и неправильная. И для нее, как для мужней жены, страшно легкомысленная. И тем не менее – было именно так, уже сложилось со временем, затуманилось привычкой к отсутствию беспокойства. Так прошли первые три дня, потом еще три дня, потом еще три...

Хотя последние три дня прошли уже в беспокойстве конечно же. Очень уж долгим отсутствие получалось. А вчера вечером он позвонил и сказал, что не придет уже никогда. Что он ушел к той самой Эле Бусиной, у которой так удачно совпали форма и содержание и лица которой Соня совершенно, ну совершенно не помнит, хоть убей! Сначала она ничего не могла понять, ее просто оглушил мужнин голос в телефонной трубке – резкий, неприязненный, осязаемый какой-то, будто его можно было потрогать руками. Впервые за двадцать пять лет их совместной жизни он разговаривал с ней таким голосом, который совершенно сбил ее с толку. Просто механически протараторил информацию, и все.

Растерявшись, она и не сообразила сразу, что и как надо сказать, молчала, лихорадочно подбирая слова. Попробуй подбери их в такой ситуации, когда тебя вот так, из огня да в полымя! Без подготовки! По телефону! А Игорь и ждать не стал, когда она слова подберет. Положил трубку. И двадцать пять лет семейной жизни – коту под хвост.

А ведь через неделю и правда их юбилей, все-таки четверть века вместе, трое детей нажили... Говорят – даже свадьбу какую-то можно справлять. Серебряную, кажется. Может, он вспомнит и ему станет стыдно? Про свадьбу-то? Может, одумается? Она была даже согласна на Элю – пусть будет, ей не жалко, ради бога! Но только где-то там, за пределами ее, Сониного, пространства, в качестве подруги, любовницы, в каком угодно качестве. Лишь бы он вернулся, лишь бы все было как прежде! И почему она так растерялась, услышав мужнин голос в трубке? Почему не объяснила ему всего этого? Ладно, мол, черт с тобой, я согласна на Элю Бусину. Вот он придет, она и объяснит. Просто и ясно. Да, надо просто подождать! Он придет, и все встанет на свои места. Надо ждать! Другого выхода у нее просто нет.

Найдя для себя таким образом точку опоры, Соня встала с постели, и покурила, и выпила спасительную чашку крепкого кофе, и наконец умылась. Собственное отражение в зеркале ванной комнаты ничем не напугало, было тем же, привычно приятным: хорошо сохранившийся для ее возраста овал лица, гладкая белая кожа, пухлые капризные губы, озорные смольные кудряшки красиво падали на лоб и щеки, создавая впечатление ухоженной «небрежной» прически. Вот только глаза были другими, исчезло из них выражение счастливой беззаботности, приятной лени, что, собственно, и придавало ее лицу, как считала сама Соня, особую прелесть.

Она вообще всегда была довольна своей внешностью, которой занималась тщательно и с удовольствием. Ей нравилось в себе абсолютно все. Нравилось, как в ее мальчишеской тренированной фигурке ловко устроилась и живет себе поживает ленивая природная грация зрелой женщины, нравилось ухоженное молоджавое лицо, нравились черные кудряшки, нравилось удивленно-доверчивое выражение лица счастливого балованного ребенка. Собственная внешность всегда была предметом ее гордости, доказательством того, как правильно и мудро она устроила свою жизнь: никогда не занималась тем, что ей неприятно, и делала только то, что приносило удовольствие. Вот не нравится ей, к примеру, каждодневное навязанное общение, когда хочешь не хочешь, а ломаешь себя напряженной вежливостью, а нравится принадлежать только себе одной и никому больше. Так отчего ж не позволить себе такое удовольствие? И что делать, когда отчаянно хочется состояния беззаботности, когда никуда не надо торопиться по утрам, когда твое драгоценное время принадлежит тебе и только тебе? Таки дай себе эту беззаботность, в чем дело-то? Спи, читай, гуляй, собой занимайся. Делай как хочется! И отражение в зеркале обязательно ответит тебе взаимностью.

А хорошо выглядеть можно и без особых затрат – в этом она тоже была уверена. Тем более деньги на дорогие салоны и тренажерные залы в семейный бюджет не закладывались. Откуда им было взяться-то? Она не работала, а Игорь приносил в семью по большому счету немного, хватало только на то, чтобы свести концы с концами. Кстати, не такое уж это и плохое занятие – сводить концы с концами! Если заниматься им с увлечением. Отринуть от себя людские придумки про какие-то там обязательные материальные устремления и спокойно, никуда не торопясь, их сводить. А иногда и с азартом. Вполне можно массу удовольствий в этом занятии найти. Если все рассудить да распределить правильно, возложить на чаши весов желания и возможности... Ну вот сами посудите – зачем много и напряженно работать, суетливо зарабатывать деньги, чтобы потом много и без толку их тратить? И снова – работать? Какой в этом смысл? Не смысл, а беготня по кругу какая-то. А жить когда? Можно ведь и не напрягаться, не вставать в раннюю рань и не мчаться сломя голову на работу, где тебя еще и обхамить норовит каждый кому не лень, а жить и жить себе спокойно, никуда не торопясь, не толкаясь в общественном транспорте среди таких же злобных и опаздывающих, не терять последние нервные клетки в автомобильных пробках, глотая удушливый газ огромными порциями во вред красоте и здоровью. А спортивный зал и косметический салон можно спокойно устроить у себя дома, делая под музыку те же самые упражнения и намазывая на лицо те же самые маски и кремы. И вообще, как считала Соня, женская кра-

сота – это прежде всего выпавшееся лицо, отсутствие в жизни женщины хама начальника и наличие у нее, у женщины, индивидуального личностного самопознания, которое не гонит из дому где-то и как-то изо всех сил самоутверждаться. Самоутверждение и самореализация – это тоже людские придумки, между прочим. И довольно коварные, ибо всех без разбору толкают в свое варево греховного честолюбия. Нет, совсем даже не обязательно каждому без разбору прыгать в это варево! Далеко не многие там выживают. Только счастливики, родившиеся с крепким характером да серебряной ложкой во рту. А менее счастливое большинство просто бултыхаются в кипятке, не осознавая, что всего лишь улучшают качество бульона для этих «не многих». Она, Соня, например, это прекрасно осознает. Потому никуда и не торопится. И реализуется – для себя. Дома. Самостоятельно. Даже на кухне во время приготовления обеда. Создать, к примеру, изысканный кулинарный шедевр из самых тривиальных и дешевых продуктов – чем не пример самореализации?

А кстати, о продуктах...

Поднявшись с кухонного диванчика, на котором сидела, докуривая уже четвертую за утро сигарету, Соня заглянула в холодильник. Ну конечно, именно сейчас в доме и нет ничего, и денег тоже нет. Все имеющиеся у нее деньги она неделю назад потратила на очень дорогую и красивую замшевую куртку, которую хотела купить давно, которая изумительно шла ей. На одежде Соня никогда не экономила. Одежда – это было святое, это стояло особняком от принципа удовольствия «сведения концов с концами». Да что там говорить – это обстоятельство считалось чуть ли не главным условием ее душевного равновесия, таким же, как легкая девичья худоба и идеальное состояние кожи. Соня была уверена, что ни дня не смогла бы прожить, будучи толстой, прыщавой и бедно одетой.

Она снова опустила на диванчик и, беря из пачки очередную сигарету, почти насильно отогнала готовые вот-вот пролиться слезы. Пугливые горестные мысли снова заныли, закопошились в голове, опережая одна другую. Основной мыслью была конечно же прежняя, та самая, которая подняла ее из постели. Немного спасительная, под названием «нет, тут что-то не так». И впрямь, не может Игорь все бросить и уйти! Он же знает, что денег у нее нет совсем. Хотя – откуда? Не было у нее привычки ставить мужа в известность о своих расходах. И про покупку супердорогущей куртки она ему ничего не говорила, естественно. Но... Но он должен был предполагать, в конце концов! Или узнать хотя бы! Спросить по крайней мере – есть ли у нее деньги на жизнь... Взял и бухнул в трубку – ухажу к Эле Бусиной! Надо же, какой ухарь-молодец, уходит он! Идиот! Смешнее и не придумаешь! Да он и увидел-то ее только у Мишки на дне рождения! Или... нет? Может, она, как всегда, что-то пропустила? Скорее бы Мишка пришла, она ж с этой Элей в одной группе учится. Хотя в последние дни наглая девчонка в институте не появляется... Чует кошка, чье мясо съела. Но не вечно же ей занятия пропускать. Придет и на Мишку нарвется. А Мишка – она такая. Она в облаках в отличие от матери не витает. Уж она прижмет эту Элю к стенке. Вступится за униженное материнское достоинство...

Нет, ну почему она вечно ничего не видит, не замечает! Живет, как ребенок-индиго, в своем мире, совсем расслабилась. Надо ж хоть иногда вокруг себя озираться, так все на свете проглядеть можно. Нет, надо действовать немедленно и решительно! Надо вернуть мужа на свое законное место! Иначе она пропадет. Точно пропадет! Потому что другой жизнью жить просто не умеет. Там, в котле с общим варевом, – не умеет.

Соня подтянула к себе худые колени, обхватила руками, сидела, замерев, уставившись на пустой холодильник, будто гипнотизировала его широко открытыми глазами. Нет, что происходит, в самом деле? Она с таким огромным трудом наладила свою жизнь, подтянула ее под себя, пристроила, жила ею целых двадцать пять лет, и вот на тебе. Полный провал. Катастрофа. Нет, не мог Игорь так с ней поступить. Он же все про нее прекрасно знает.

И про все ее проблемы знает. И про все страхи. И про все возможности и невозможности нормальной «людской» жизни...

Ну да, да, она женщина с проблемами. С «врожденными признаками чрезмерно выраженной интроверсии». По крайней мере, таким способом когда-то попытался объяснить врач-невропатолог перепуганной Сониной матери странное поведение ее трехлетней дочери в детском саду. Девочка, то бишь она, маленькая Соня, не играла и не смеялась, не плакала и не дралась, как все нормальные дети, а, судорожно сжавшись, сидела в уголке и со страхом наблюдала за орущим и копошащимся детским коллективом, как чуждым и непонятным ей зверем, который может наброситься и съесть, если подойти к нему слишком близко. Так просидела она месяц, другой, третий... Не плакала, не просилась остаться дома, каждое утро безвольно давала себя раздеть и переступала порог группы, спала и ела по часам, безропотно подчиняясь режиму, как маленький узник, потерявший надежду на свободу. А на исходе четвертого месяца слегла с высокой температурой. Просто лежала, вытянувшись в струнку, и горела, как печка. Врачи так и не нашли симптомов ни одного детского заболевания, и только доктор Левин, врач-невропатолог, старый и умный еврей, определил, что девочка «не садиковая», проблемная, и попытался растолковать матери что-то про защитные функции организма, про особое отношение к ребенку... «Она что, ненормальная?» – с ужасом допрашивала врача мать. «Ну почему – ненормальная... Просто будут трудности в общении, она будет отличаться от других детей, но к этому можно приспособиться. Она не такая, как все дети, понимаете? Пусть пока побудет дома, отдохнет, не водите ее в детсад. А через полгода приводите ко мне, подумаем, поможем...»

Ни через полгода, ни через год Соню к доктору Левину больше не повели. И Соня осталась дома. Одна. С трех лет. Это было замечательно! Отец в то время работал лесничим, усадьба была расположена на окраине большого села, в лесу, среди огромных старых берез. Соня помнит, как часами стояла среди деревьев, слушая шум ветра, наблюдая за движениями гибких веток, растворяясь в игре света и тени, счастливо сливаясь в единое целое с небом, с деревьями, с травой, с солнцем. Мать, наблюдая за ней исподтишка, только плечами пожимала в недоумении. Не ребенок, а монашка малолетняя. Отшельница-созерцательница. Смеется сама с собой, лепечет чего-то под нос. Ну да не болеет, и ладно.

Потом в ее жизни появились книги. Чтение было для нее даже не развитием, не потоком информации, а продолжением мира счастливого одиночества. Соня брала наугад любой том из большой отцовской библиотеки, с волнением пробегала глазами первую страницу. Определяла – какова она на вкус? Так и выработались постепенно свои пристрастия – книги делились на «вкусные» и «невкусные». «Невкусную» книгу распознавала сразу, как музыкант распознает фальшивую ноту, и откладывала в сторону. Среди «вкусных» оказались произведения Чехова, Толстого, Пушкина, Куприна, Лескова, Пришвина... Она могла читать сутками, засыпала с книгой в обнимку, перечитывала несколько раз уже прочитанное. Так и жила себе тихо, как мышка, не доставляя родителям хлопот. «Вся в отца пошла, тоже неудачницей будешь... – ворчала мама, отбирая у Сони книгу. – Ему позволь, он также будет читать целыми днями и ничего не делать». Соня жалела отца всем своим маленьким сердцем, забившись в уголок дивана, горячо переживала родительские ссоры, а потом тихонько брала в отцовской библиотеке первый попавшийся под руку том из зачитанного синего чеховского восьмитомника, садилась в тот же уголок и погружалась вся, до макушки, в любимое повествование, ничего больше не видя и не слыша. Привязанность к этому синему восьмитомнику осталась у нее на всю жизнь как привычка, как средство первой помощи в обретении так необходимого ей душевного равновесия: нужно только протянуть руку, открыть любую синюю книгу и окунуться в спасительную музыку чеховского языка, в его неповторимую спокойную иронию, и душа благодарно возвращается на свое законное место, вытесняя смутную тревогу и страх.

А потом началась пытка школой. «Доченька, это ж не детский сад, куда можно вообще не ходить! – уговаривала рыдающую Соню мать. – Ты не бойся, ты же у нас умненькая. Да еще и начитанная такая... Да тебе эта школа – тьфу! Помнишь, как доктор говорил? Ты не такая, как все... Пусть они бегают и кричат на переменках, а ты сиди себе спокойно, не обращай внимания! А хочешь, книжку читай!»

Постепенно, день за днем Соня смирилась с каждодневной необходимостью отрываться от дома, от любимых книг и ходить в ненавистную школу. Училась она и впрямь легко, была в классе единственной отличницей и даже каким-то образом сумела абстрагироваться от общественной школьной жизни. То есть ни в чем и никогда не участвовала – на пионерских диспутах не высказывалась, металлолом и макулатуру не собирала, с одноклассниками о мальчиках не сплетничала. После школы бегом неслась домой, в свои спасительные стены, к своим книгам, к большим березам, к тихому уютному одиночеству. Шла и шла ее школьная жизнь своим чередом, особо не утомляя. Мать оказалась права – все можно пережить. Можно отсидеться и на дурацких пионерских сборах, и на занудных комсомольских собраниях. Все можно пережить, только не уроки литературы! Оказались они для бедной Сони настоящей ахиллесовой пятой, и довольно мучительной. Просто ужасно, ужасно ей обидно было за классиков! Ну зачем, скажите на милость, надо заставлять Кольку Семенова и Пашку Рогова тупо пересказывать текст из учебника про лишнего человека Печорина или учить наизусть «Памятник» Пушкина, если они этого не хотят? Это же глумление над святым получается! Колька с Пашкой с таким удовольствием обсуждают вчерашнюю дискотеку, кто как оторвался и сколько выпил дешевого портвейна, и пусть обсуждают на здоровье, если им это интересно! Классики-то тут при чем? Разве Колька с Пашкой вдумаются когда-нибудь в смысл просто зазубренных, как таблица умножения, на одном дыхании проговоренных куда-то в пустоту строк: «...Хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца...» Да никогда не вдумаются! Никогда им не нужен будет ни Пушкин, ни Толстой, ни Чехов! Они прекрасно проживут и без них, и не надо заставлять их рассуждать про любимых ею Илюшу Обломова, Наташу Ростову, Петра Гринева... Это же слушать просто невозможно, китайская пытка какая-то!

Тихая гордыня так сильно ворочалась где-то в солнечном сплетении, что Соня начала испытывать что-то вроде ненависти к незадачливым одноклассникам. Это они, что ли, нормальные дети, а она, получается, ненормальная? Это она – с «признаками чрезмерно выраженной интроверсии» и с «проблемами общения»? Да на черта ей вообще сдалось такое общение! И пусть невропатолог доктор Левин и дальше клеит ей ярлыки, и пусть она будет белой вороной-тихушницей среди бойких «нормальных» одноклассников, она согласна! Главное, чтобы никто ее внутреннего негодования не заметил, а то накинутся и заклюют всей «нормальной» стаей...

Так она потихоньку злилась и возмущалась, и держала свой протест внутри, и писала, как все, правильные сочинения, где клеймила за леность любимого Илюшу Обломова, и восхищалась подвигом Павки Корчагина, которого, если честно, терпеть не могла. А что было делать? Нельзя же обнаружить, что ты другая, не такая, как все, иначе всплывет ненавистное клеймо и мама расстроится...

Со временем, взрослея, Соня все же приняла для себя некое компромиссное решение: без Пашек и Колек, без общения с ними ей не прожить. Тем более что к своим семнадцати годам она превратилась в очень хорошенькую черноглазую кудрявую девушку и исключительным вниманием к себе Пашки и Кольки и других мальчишек пользовалась напропалую, позволяя водить себя в кино, принимая ухаживания с достоинством графини Наташи, продолжая хотя бы таким образом жить своей книжной жизнью. Постепенно научилась и достаточно четко определять для себя границы мирного сосуществования со своим врагом, этим хамским, опасным, кричащим, требовательным окружающим миром, название которому –

люди. С годами в ней даже привычка некая укоренилась – к снисходительности. Принимая внешние правила игры, внутри себя лишь вздыхала да пожимала плечами – куда от вас, от людей, денешься... Вы – люди, и вас – много. И потому – банкуйте. А я – что? Я и подыграю, выкупив тем самым свою внутреннюю свободу. В эти правила игры удачно вписались и учеба в институте, и замужество, и большая семья. Все так, как у всех. И даже лучше. Для нее – лучше.

С Игорем она познакомилась, будучи студенткой второго курса инженерно-строительного института, куда поступила по настоянию мамы. И в самом деле, куда было поступать? Не в педагогический же, чтобы мучить потом любимыми классиками всяких оборотов. Была обычная студенческая вечеринка по поводу только что сданного экзамена, вся их группа расслабленно и дружно накачивалась розовым портвейном дома у одного из однокашников, потом к их компании присоединился Игорь, знакомый однокашника, случайно зашедший в гости. Соня сразу почувствовала на себе робкий, но заинтересованный взгляд этого большого неуклюжего молчаливого парня. И даже не сказать, что взгляд был заинтересованным. Скорее, он был изумительно восхищенным. Таким восхищенным, что тут же появилось искушение расправить крылышки и показать себя во всей красе интеллекта. Абсолютно для него недостижимого. Была, была в этом своя прелесть... Парень-то из простых был. Она сразу заметила, как неуютно ему среди них, искателей высшего образования, пьяных и беззаботных. Он был совсем из другого мира, из той жизни, где не читают книг, где не знают студенческих радостей, где зарабатывают на жизнь тяжелым физическим трудом. Потом, ночью, они всей гогочущей толпой возвращались пешком в свое студенческое общежитие, и Соня понимала, что Игорь идет вместе с ними только из-за нее, и опять ловила на себе этот теплый осторожный взгляд. Изумительно восхищенный.

Потом он встретил ее после лекций и на следующий день снова стоял на том же месте, большой, покорный, молчаливый, влюбленный. Они гуляли, как и полагается влюбленным, до рассвета, и Игорь всегда шел на полшага сзади, и слушал, и молчал, и смотрел восторженно. А она болтала – вкусно, ненасытно, взхлеб, выплескивая из себя тщательно припрятанное. То, о чем говорить нельзя никому. О своем отшельническом детстве, о докторе Левине, о березах, об отцовской библиотеке, о синем чеховском восьмитомнике. И даже, черт возьми, о своих тайных принципах мирного сосуществования с опасным и хамским миром людей. Наверное, вряд ли он ее понимал тогда. Может, и не слышал даже. Просто кивал да плескал из глаз обожанием. Ох, какой же оказалось приятной штукой это искреннее мужское обожание! Как теплое одеяло холодной ночью. Можно завернуться в него с головой, согреться и спокойно уснуть. Крепко, без тревоги. Без страха быть разоблаченной.

Всего через месяц таких встреч Игорь Веселов сделал ей предложение. Ни минуты не задумываясь, она согласилась. Повезла Игоря домой, к матери, знакомиться. Мать лишь плечами пожала – жених ей явно не понравился. Медведь неотесанный. Ни экстерьеру, ни высшего образования, ни копейки за душой. На ее тихий удивленный вопрос – влюбилась, что ли? – Соня лишь рассмеялась снисходительно. Нет, интересная ее мать женщина – про любовь заговорила, надо же! Какая такая любовь, если стоит у тебя за плечами «врожденный признак чрезмерно выраженной интроверсии»? Если ты живешь и от людей шарахаешься как очумелая? Если приходится все время быть настороже – вдруг эти самые люди догадуются, что ты их боишься? Только она одна знает, как это тяжело – все время быть настороже. Какое это огромное напряжение. Как у актера на сцене. Но актеру – что? Отыграл свой спектакль, и можно за кулисами спрятаться. А ей куда спрятаться? Вот и приходится искать свои кулисы. В лице хорошего мужа. С ним хоть расслабиться можно. И спрятаться, как за каменной стеной, пусть это и звучит тривиально. Можно выглядывать из-за этой стены и показывать фигу врагу. Тому самому – хамскому и опасному. Кричащему, злобному, требовательному. Фигу ему, фигу! Не будет она больше под него подстраиваться! Хватит с нее!

Подстраиваться, правда, поначалу все-таки приходилось, потому как молодая семья Веселовых поселилась дома у Игоря, в двухкомнатной квартире, вместе с его мамашей и младшим братом. Сонина свекровь была женщиной простой, работала лаборанткой на молочном заводе, воспитывала сыновей одна, в строгости, в честной бедности, в аккуратности. Невестку приняла хорошо, называла доченькой и Сонюшкой, искренне пыталась дружить, учила хитростям экономного и безотходного ведения домашнего хозяйства, и очень огорчалась, когда невестка, вежливо выслушав очередной урок, быстренько скрывалась в своей комнате. Потом нежелание невестки жить одной семьей стало вызывать раздражение, потом неприязнь, которая так и не успела перейти в злобу: весной свекровь скоропостижно скончалась от инсульта, так и не успев увидеть родившуюся двумя неделями позже внучку. Младший брат Игоря Сашка, такой же молчун и увалень, в это время проходил службу в пограничных войсках где-то под Уссурийском, на похороны матери приехать не смог. После службы домой не вернулся, остался жить в тех краях, женился, удачно занимался каким-то небольшим бизнесом и о себе напоминал лишь редкими переданными с okazji посылками с необыкновенно вкусной рыбой и домашнего засола икрой, да еще безотказными денежными займами, возврата которых никогда не требовал.

Соня рожала Мишель на удивление легко. Схватки начались аккурат под песенку про Мишель, которую громко и с назойливым постоянством распевали голоса битлов с заезженной пластинки из окна напротив. Ожидая приезда «скорой», заявила мужу сквозь капризные слезы – родится девочка, назовем ее Мишель! Игорь был не против, конечно. Он всегда и во всем радостно с ней соглашался. Мишель так Мишель. Пусть будет Мишель. Лишь бы роды прошли хорошо.

Казалось, ребенок и сам не хотел доставлять лишних хлопот ни матери, ни врачам. Спокойно появился на свет, покряхтел деликатно. И потом, оказавшись дома, малышка не доставляла Соне особых хлопот. Даже проголодавшись, плакала тихо, неуверенно, будто извиняясь за причиненные неудобства, будто понимала, сколь трудно дается матери высшее техническое образование с его сопроматами и мудреными чертежами. Соня к своему материнству отнеслась ответственно, строго по часам кормила грудью, как и положено добропорядочной матери, раз в месяц показывала ребенка детским врачам. Но, отдав положенное для обихода младенцу время, поскорей старалась усыпить, с нетерпением трясла кроватку. И трехмесячный ребенок, будто понимая, чего от него хотят, виновато тарачился из кружевного чепчика, потом покорно и надолго засыпал. Росла девочка покладистой, послушной и робкой, часами могла играть самостоятельно, внимания к себе не требовала, и через пять лет, когда родилась Сашка, добровольно превратилась в отличную няньку, возилась с сестрой с упоением, словно отдавала в двойном размере ей ту необходимую маленькому ребенку любовь, которую сама недополучила в младенчестве. И это пришлось как нельзя кстати, поскольку Сашка в отличие от сестры с кротким нравом не уродилась, была беспокойной, излишне требовательной, кричала так громко, что голова шла кругом не только у Сони, но и у всех соседей. Соня ходила вся вымороченная, с постоянной головной болью, не высыпалась, устраивала истерики Игорю, который и без того сбивался с ног, чтобы прокормить свое растущее семейство. Сашка будто мстила матери за то, что та родила ее по собственному расчету. А как же? Получив диплом, она, как молодой специалист, по неписанным и писанным законам того времени должна была обязательно приступить к общественно-полезному труду. Она и приступила, только хватило ее ненадолго. Инженер-строитель из нее получился плохой, Соня постоянно где-то ошибалась, работу свою со временем возненавидела, в коллектив вписаться не смогла. Поэтому во второй свой декретный отпуск ушла с огромным облегчением, как ей казалось разом решив все проблемы: сидеть дома, читать книжки, ждать мужнину зарплату и гулять с коляской по улице было гораздо спокойней, чем переживать по поводу неудавшейся карьеры. Она и предположить не могла, что, выбравшись из пеле-

нок, Сашка превратит ее жизнь в кошмар. В нее летели тарелки с кашей, в доме всегда было все перевернуто вверх дном, в людных местах устраивались концерты с визгом, с истериками, с паданием на землю. Сашка требовала положенной ей любви, требовала Соню всю, без остатка, и маленькая Мишель проявляла чудеса изобретательности, чтобы отвлечь ее от матери, бросалась на амбразуру, жертвуя своими детскими радостями, отвлекая Сашкино внимание на себя. С годами Мишель так вошла в роль, что постепенно полностью заменила своей неугомонной сестренке мать. Она первая и заметила странную Сашкину особенность: девчонка все время танцевала, под любую музыку. Без милого детского подражания, а вполне осмысленно. Были тут и плавный прогиб спины, и гордое вскидывание головы, и даже томное заламывание рук присутствовало. Все по-взрослому. Как у «больших». Она не играла в куклы, не интересовалась книжками и мультфильмами, казалось, все это ей заменяет постоянная потребность в движении под музыку. Соня, глядя на нее, вздыхала с легкой досадой – надо ж было что-то делать с этим явлением, пристраивать его куда-то...

Когда Сашке исполнилось шесть лет, она привела ее в детскую студию при театре оперы и балета. Девчонку приняли сразу, вне конкурса. Тоже разглядели в ней что-то. И все бы это было очень хорошо, конечно, если б не сопутствующие этому обстоятельству огромные проблемы, которые ворвались в Сонину жизнь вместе с заботами о белых маечках и юбочках, тапочках и носочках, правильном распорядке дня и особом питании для юной танцовщицы. А время! Как приходилось безбожно-тревожно тратить время, чтобы не опоздать на занятия! Час на дорогу – туда, час на дорогу – обратно. И надо же еще сидеть и ждать по три часа, неприкайнных и утомительных, когда Сашка отзанимается в своей студии. Считаю, весь день и прошел. Любимое состояние беззаботности грозило махнуть на прощание ручкой и улететь без возврата.

И опять ее выручила Мишка – спокойная, рано повзрослевшая старшая дочка. Соня и сама не заметила, как обязанность водить Сашку в балетную студию полностью перешла к ней. Тем более даже свои плюсы из этого положения образовались. Девочки возвращались домой поздно, и их практически ежевечернее отсутствие Соню вполне устраивало. Потому что можно побыть одной, «посидеть» внутри у самой себя, почистить слежавшиеся перышки несчастной «ярко выраженной интроверсии». А что с ней делать, если она есть, если она врожденная? Ничего и не сделать...

Потом, со временем, Соня и ее дочери вообще будто разбились на два противоположных лагеря, живущих по принципу мирного сосуществования: одна комната, большая, являлась Сониной неприкосновенной территорией, другая же, поменьше, – территорией дочерей. Лишь изредка Соня, словно спохватываясь, виновато заглядывала к ним в комнату, чтобы задать несколько риторических вопросов о том, все ли у них в порядке, и сама постановка этих вопросов уже не предполагала отрицательного ответа. «Да, мамочка, все в порядке», – в два голоса бодро отвечали девочки, будто соблюдая некий ритуал по подтверждению наличия у Сони ее материнского статуса. Конечно, Соня не забывала про свои обязанности матери и хозяйки, готовила еду, стирала и гладила детские вещи, раскладывала по полочкам, никуда не торопясь, сочетая домашние хлопоты с прогулками по магазинам, чтением, аэробикой, йогой, травяной ванной, маской для лица, телевизором... Да мало ли на свете приятных дел, когда никуда не надо торопиться и трястись от страха сделать что-то неправильно, когда дети не доставляют тебе особых хлопот!

А Машку Соня вообще привезла из отпуска. Она отдыхала одна в сочинском санатории, и случился у нее бурный красивый роман с прогулками на яхте, морем цветов, шампанским, ночными купаниями голышом и страстными объятиями. И банально, и смешно, и грустно... И неожиданно как-то. Она и сама не поняла, чего это ее так... Вообще-то она собиралась быть верной женой Игорю, навсегда и навеки. Хотя и умела нравиться мужчинам. И даже определенные усилия для этого прикладывала, определенно своекорыстные –

надо же как-то утверждаться в мысли о своей женской состоятельности! Но дальше самих по себе усилий дело не заходило. Уверилась в том, что понравилась, и – стоп, уважаемый чужой мужчина! Чужой, он и есть чужой, и кто там разберет, что у него на уме... Может, он как раз и оттуда, из хамского мира? Зачем так рисковать? Спокойный и отлаженный семейный мир – он надежнее. Там теплое одеяло и каменная стена.

А в Сочи... То ли южный влажный ветер унес на время ее осторожности и страхи, то ли она по-настоящему влюбилась, но с ней произошло чудо: целых две недели она жила совершенно другой жизнью, наполненной незнакомым ей состоянием. Наверное, это была любовь. Та самая, из другого мира. Враждебного и хамского. По крайней мере, на книжную любовь она точно не походила. Слишком уж... плотская была. Можно сказать – яростно плотская. И не сказать, что Игорь в этом смысле был худшим партнером, но... Все равно не то. Да, все-таки она это была – любовь...

Позже, уже дома, поняв, что беременна, она решила оставить этого ребенка, несмотря на критический для родов возраст и на явное отсутствие материальных возможностей. Ребенок был для нее доказательством чего-то, а чего – она тогда и сама не понимала. Скорее всего – пусть и призрачным, но доказательством возможности другой жизни, настоящей, какая бывает у других людей, с искренней любовью, а не с каменной стеной, одеялом и надежным тылом. Так родилась Машка, маленький кудрявый конопатый ангел, которому в конце концов были рады все, и Игорь, и Мишка с Сашкой, и которому пришлось донашивать все детские вещи старших сестер, бережно сохраненные Соней, и, подрастая, потеснить их в девичьей комнате, войдя в общий ритм ее немного странной семьи, присоединяя свой тонкий голосок к общему бодрому ритуальному ответу: да, да, мамочка, у нас все хорошо, у нас все в порядке, мамочка...

А Игорь все работал, выбиваясь из сил. Надо ж было как-то кормить большое семейство! Тем более сам хотел, чтобы было много детей... Хватался за любую халтуру днем, ночами бомбил на стареньком жигуленке, купленном на братовы деньги. И крайне редко бывал дома, осознавая, наверное, лишь наличие у него семьи, а не себя в ней, любя всех заочно, практически без каждодневного общения, зато преданно и искренне. Она голову могла дать на отсечение, что он любил их именно так – преданно и искренне! Он сам так хотел, сам выбрал именно эту дорогу! Тем более в жизни его по сути ничего и не изменилось, с детства привык жить в трудах и бедности. Да, в трудах и в бедности! Кто ж виноват в том, что труды его оказались такими... незадачливыми? Она-то уж точно не виновата. Она и не упрекала его никогда. Наоборот, изо всех сил старалась, чтобы эта бедность выглядела уютной, с налетом некоторой духовности. Все шкафы в доме книгами забиты, между прочим. На стенах репродукции импрессионистов висят. На диване – плед вязаный, ярко-желтый, собственноручно ею исполненный. И колокольчики «музыки ветра» по всей квартире... Ветер из форточки подует – они бултыхаются, звенят нежно... Ну что, что она могла еще сделать? Что еще ему нужно было? Есть где жить, есть ради кого жить, есть на чем ездить... Не так уж и мало, между прочим, чтобы чувствовать себя реализованным. Все, все у него было!

Между прочим, даже и дача была, если можно назвать дачей домик-развалюха в деревне, доставшийся Игорю в наследство от деда с бабкой, куда она, Соня, переселялась на лето вместе с девочками. Господи, как там было хорошо, на даче! По-настоящему – ее стихия. С прогулками по лесу, с рассветами и закатами, с переплетением солнечного света в ветвях старой липы во дворе, за которым можно наблюдать бесконечно, сидя с чашкой кофе и сигаретой по утрам на крыльчке, с зарослями лопухов и мать-и-мачехи вдоль забора, с обязательной субботней банькой... Он приезжал к ним на выходные, с Мишкой вдвоем поливал и полол грядки, что-то работал по хозяйству, никогда ей не мешая, как обычно, как было всегда на протяжении этих долгих счастливых лет...

Снова всхлипнув, она схватилась за голову, горестно начала раскачиваться корпусом, сидя на узкой кухонной скамье. Воспоминание о даче совсем доконало ее. Какая красивая, какая счастливая была у нее жизнь! Дурацкая, вывернутая наизнанку, но – счастливая же! Господи, ну зачем, зачем она затеяла этот Мишкин день рождения? Никогда его не справляли, а тут... Что это ей в голову вдруг пришло?!

Мишель

Привычка никогда не смотреть на себя в зеркало появилась у нее с детства. Нельзя сказать, что была она совсем уж равнодушна к своей внешности, просто чего в него смотреться-то, в это зеркало? Лучше все равно не станешь. И такой красивой, как мама, не станешь, и такой грациозной, как Сашка, тоже.

«Мишка вся в отцовскую породу пошла. Вырастет, будет такая же большая и косолапая, – смеясь, говорила во дворе мама соседке тете Наде, держа ее, пятилетнюю, за руку. – И будет у нас не девочка, а Мишка косолапый! Да, дочь?»

С тех пор она стала бояться подходить к зеркалу. Вдруг и правда она такой вырастет? А ей хотелось быть похожей на маму – красивую, нарядную, умную... Вот если б она стала такой, мама бы, наверное, больше ее любила. А как можно любить косолапого медведя? Да никак! Но она будет стараться изо всех сил, будет помогать, будет всегда послушной и доброй девочкой, и тогда мама ее полюбит, обязательно полюбит!

С этого заклинания, сколько она себя помнит, и начиналось практически каждое утро. Надо быть хорошей. Надо быть послушной. Надо быть доброй. Надо быть полезной для мамы. Для хрупкой, нежной, ранимой, бесценной и любимой мамы. В привычку вошло. Второй натурой стало. Вот интересно – отчего это недолюбленные дети так болезненно любят своих матерей? Вроде наоборот должно быть...

В это грустное апрельское утро она привычным уже движением, не глядя на себя в зеркало, заколола собранные на затылке волосы и, поглядывая на часы, тихо прокралась в ванную, потом в прихожую, надела куртку, осторожно закрыла за собой дверь. На кухню выходить не стала, чтобы не разбудить маму. Пусть спит подольше, вчера совсем расклеилась... Хоть бы сегодня Элька пришла на занятия! Обязательно надо сегодня же ее изловить. И про отца все узнать. А лучше – пусть Элька ее к отцу отведет. Пора уже все по своим законным местам расставить, прекратить это недоразумение. Он не мог так поступить с мамой, не мог! Он никогда не был ни решительным, ни жестоким. Мама что-то не поняла из телефонного разговора, наверное. Он же ее любит, всегда любил. Он права не имеет ее не любить. Какая тут может быть Элька?!

Хотя кто его знает... Наверное, она в этой ситуации не догоняет чего-то. Раздваивается все внутри от этой непонятной ситуации. Еще тогда, третьего дня, когда увидела около института Эльку с отцом в машине, и началось это странное раздвоение. Сидят, главное, целуются! А самым удивительным было то, что эта картинка ее вроде и не оскорбила никак. Скорее наоборот. Она даже некоторым образом была горда за отца. Каков! Молодую деваху соблазнил, ее однокурсницу! Тем более ей тогда показалось, что мама не имеет к этой картинке никакого отношения. Она сама по себе существует, а картинка – сама по себе. Она не мамина, она отцовская, эта картинка. Просто стояла и смотрела заворуженно, как Элькины руки цепко сошлись на отцовском затылке. И оторваться не могла. Нет чтобы сразу задуматься, чем это маме грозит... Но вот ей-богу, даже мысли подобной в голову не пришло! Ну похулиганил немного отец, подумаешь. Капельку хулиганства он наверняка заслужил...

Она всегда очень жалела отца, жалела всем сердцем. Соскакивала с постели среди ночи, услышав его возню в коридоре, бежала на кухню, чтобы покормить после трудной «бомбежки». Сидела рядом, смотрела на рано постаревшее его лицо, серые небритые щеки, запавшие тусклые глаза, вдыхала запах бензина, усталости и заботы. Пока он ел, рассказывала о своих новостях, обсуждала Сашкины и Машкины проблемы. Ему первому рассказала она и про Димку, своего друга, студента медицинского института, с которым встречалась вот уже три года. «Пап, он говорит, что любит меня... Неужели меня, вот такую неуклюжую, можно любить?» – как-то спросила она у отца на очередных ночных посиделках. Отец

странно и долго смотрел на нее, потом, глядя по распущенным волосам своей большой ручищей, тихо сказал: «Только таких, как ты, и можно любить. Ох и свезло же твоему Димке, вот свезло! Знаешь, как говорят? Не у всякого жена Манька, а кому Бог послал...»

Димка был, как считала Мишель, подарком судьбы: и любимым мужчиной, и другом, и личным психоаналитиком, и нуждающимся в ее заботах младшим братом. Внешне он выглядел вовсе неказистым, был невысоким, щуплым, сутулым, носил большие очки с дурацкими серо-голубыми стеклами, не разбирался в моде, но в то же время, как говаривала мама, был настолько притягателен интеллектом, что его внешность отходила куда-то на задний план. В пылу спора он резким движением снимал свои громоздкие очки, и тут же в собеседника выплескивался такой необузданный свет внутренних позитивных эмоций, что уже и в голову не приходило называть этого парня некрасивым. Она очень гордилась им в эти моменты! И внутри будто ёкало что-то, и глаза бежали по лицам радостью – смотрите, какой у меня классный парень...

За три года они ни разу не поссорились, принимали друг друга полностью и без условий. Длинных разговоров о любви не вели, просто признавая обоюдную необходимость их совместного будущего, которое должно автоматически и счастливо продолжиться в городе Мариуполе, откуда Димка был родом, где жили его родители, потомственные врачи, и куда он должен был вернуться через два месяца, потому как ровно два месяца оставалось до получения его медицинского диплома и традиционного произнесения клятвы Гиппократу.

К ее семье Димка относился очень настороженно, не пытался ни обсуждать что-либо, ни давать оценок, но Мишель видела, что он многого в их отношениях не понимает и вопросов не задает из вежливости. По Димкиным рассказам она знала, что его собственные родители очень любят друг друга, что живут вместе с его старшими братьями и их семьями в большом доме на берегу Азовского моря, который строили всей семьей несколько лет и в котором для них уже была приготовлена отдельная комната на втором этаже с балконом, с видом на большой сад и море. Мысль о том, что по утрам она будет просыпаться рядом с Димкой да еще из окна видеть море, приводила ее в легкий трепет, и приходилось покуда гнать ее от себя, чтобы, не дай бог, не сглазить.

А вдруг и впрямь сглазила? Вдруг отец на самом деле решил их бросить? Она же не сможет тогда уехать ни в какой Мариуполь, не сможет бросить маму одну с Сашкой и Машкой... Нет, надо уговорить отца остаться! Он же не может допустить, чтобы Димка уехал без нее, чтобы она мимо счастья прошла. И пусть это на шантаж смахивает – все равно! Сам же говорил что-то такое про жену, которая Манька и которую Бог послал...

Увидев в институтском коридоре Эльку, она так ринулась ей навстречу, что та поначалу шарахнулась испуганно, даже лицо прикрыла ладонями на всякий случай. Потом, правда, ладони от лица отняла, стояла, вжавшись в стену, моргала лупоглазо, как слепая. И долго не могла понять, чего от нее хочет Мишель. А поняв, торопливо и радостно закивала – да, да, конечно! Конечно, мол, тебе надо с отцом поговорить, он должен за мной к концу лекций подъехать... Только не к институту, а на бульвар... Звучал Элькин лепет очень уж неказисто. Вроде того – не виноватая я, он сам пришел. И все Элька норовила ладони к лицу поднять, будто возмездия ожидала. Вот дура. Кто ж ее бить собирается?

На бульвар к пяти часам они отправились вместе. Молча шли. Элька впереди, она – на полшага сзади, как арестант и конвоир. Даже немножко жалко Эльку было, слишком уж она заполошно на нее оглядывалась. Вообще, она всегда была ей симпатична, деревенская толстушка Элька. Румяная, как свежая булочка, открытая, добрая. Казалось, веселое горячее здоровье так и прет из нее наружу. И никакой женской коварности в ней вроде не наблюдалось. Фактура не та для коварности. А тут, поди ж ты...

Она увидела отца издалека. Сидел на бульварной скамейке, подставив солнцу лицо и закрыв глаза, улыбался блаженно. И не вспомнить даже, когда он последний раз так улы-

бался. Посмотришь со стороны – все у человека хорошо, жизнь вполне удалась. Элька, пробормотав что-то про «подойду попозже», деликатно исчезла в двери первого попавшегося магазина.

Подойдя, она села на скамейку рядом, тихо позвала:

– Пап...

Отец испуганно встрепенулся, зачем-то огляделся по сторонам, воровато втянул голову в плечи, потом, будто устыдившись, с видимым напряжением растянул губы в улыбке, робко глянул в глаза:

– Мишк, привет... Ты как меня нашла...

– Элька привела.

– А, ну да...

– Ты чего, скрываешься от нас, пап? Глупо же.

– Да нет, я не... В общем, так получилось, доченька. Я и сам не ожидал, что на такое способен... Не знаю я, чего тебе говорить. Не мастак я такие разговоры разговаривать, ты же знаешь.

Мишель смотрела на него и не узнавала. Видела, что ему совсем, ну совсем не хочется с ней объясняться. Сидит, мучится неловкостью, в глаза не смотрит. Эта его неловкость, колючая, стыдливая, безысходная, вдруг и ее саму накрыла с головой – колотьем побежала по горлу, образовав противный слезный комок, который проглатываться ну никак не хотел, а, совсем даже наоборот, норовил все больше увеличиться в размерах. Дышать – ни туда ни сюда. Поговорили, называется.

Глянув наконец ей в лицо, отец дрогнул желваками, нервно затряс коленкой. Снова заговорил, с силой выдавливая из себя слова:

– Мишенька, ты осуждаешь меня, и осуждай! И правильно! Наверное, так и надо. Подлец я, наверное. А только... Понимаешь, я уже не смогу жить, как раньше. Я кончился, понимаешь? Вот так резко взял и кончился! Черт его знает, как это вышло, объяснить не могу...

– Ой, да чего там объяснять... В Эльку влюбился, вот тебе и все объяснения... – тихо прогундосила она сквозь застрявший в горле ком и провела дрожащей ладонью у себя под носом.

– Нет, Мишка. Эля тут ни при чем. То есть она при чем, конечно... Только не в ней в одной дело. Понимаешь, я прежней жизнью больше жить не могу. Ну не могу, и все тут! Я умру, если... А я жить хочу! Я хоть немного пожить хочу. Как человек.

– А с мамой что, не жил?

– Нет. Не жил. Я двадцать пять лет обеспечивал мамин покой, но не жил. Хоть как это назови, только не жизнью. А сейчас я живу уже целых девять дней!

– Пап, а разве это так ужасно – обеспечивать покой человеку, который в тебе уверен, которому ты необходим... Который без тебя погибнет, в конце концов! По-моему, это благородно, а совсем даже не ужасно...

– Нет, это не ужасно. Просто когда-то наступает предел. И благородству, как ты говоришь, тоже. Миш, я не буду ничего объяснять, ладно? Ты просто прими это как факт. И живи своей жизнью. Выходи замуж, уезжай, детей рожай. Он хороший парень, этот твой Димка... И помни, что я тебя тоже очень люблю. А хочешь, на свадьбу приеду? Позовешь на свадьбу-то?

– Как это уезжай, папа? Я что, брошу маму, Сашку, Машку и спокойно уеду?

– Да, и спокойно уедешь! И даже обязательно уедешь! Мама не инвалид, в конце концов, а здоровая молодая женщина! Будет работать! И зарабатывать! И еще спасибо нам с тобой потом скажет! И Сашка уже большая... И Машка вырастет... И квартиру я оставляю... И не вздумай даже делать из себя жертву! Поняла? Хватит с нее и меня!

Он говорил все более раздраженно, как человек, уставший уже десятый раз объяснять очевидные для него вещи. Чувствовалась за его раздражением – она вдруг это ясно услышала – свеженькая, недавно народившаяся ненависть. Нет, не к ней конечно же. К маме. Вот так, наверное, она и зарождается в человеке. В одночасье. В разговоре. Вдруг.

– Да, именно так! Хватит с нее и меня! – с силой повторил он, чеканя каждое слово. И тут же сник, тяжело вздохнув, задумался на секунду, глянул на нее озабоченно: – Кстати, ты не знаешь, деньги у мамы есть? Я ведь помогать пока не смогу... Мы с Элей квартиру сняли, надо было заплатить за три месяца вперед. Ты скажи маме, пусть с трудоустройством поторопится! И пусть не ждет, не теряет время. Я не вернусь. И даже обсуждать это не буду. А ты... Если захочешь, попробайся меня понять. Ты ж меня всегда понимала!

Он обернулся к ней, хотел еще что-то сказать, но передумал. Вернее, не успел. Выпрямил спину, расправил плечи и, слегка подавшись корпусом вперед, расплылся в бестолково дрожащей улыбке. Она лишь усмехнулась сквозь слезы, наблюдая все эти странные метаморфозы. Понятно, что по бульвару к ним Элька чешет. Стало быть, и разговору конец. Нет, правда понятно, без дураков! Когда вот так же навстречу ей Димка идет, она тоже про все забывает, и улыбается наверняка так же бестолково, и радостью из глаз брызжет, что фонарей не надо. Понятно, конечно. Только вот с бедной мамой как быть?

А может, отец прав? Может, свое счастье надо зубами у себя же самой выгрызать, закрыв на все глаза и отодвинув долги в сторону? Она ж так мечтала счастливо жить в городе Мариуполе, на берегу моря, своей маленькой жизнью, день за днем, для Димки, для себя! Вот сейчас она наберется смелости, придет домой и скажет маме о своем решении... Так и бухнет с порога – мне очень жаль тебя, конечно, но я уезжаю в Мариуполь!

Она так глубоко задумалась, что вздрогнула, когда ее тронули за плечо. Подняла голову, увидела отца и Эльку, над ней склонившихся.

– Мишк, с тобой все в порядке? Ну не переживай ты так... Давай мы тебя домой отвезем!

Мы, главное! Хотя бы сообразила глупая бусина, румяная белая булочка, как ей тяжело слышать это «мы»! Чего с нее возьмешь? Деревенщина неотесанная. Прямое оскорбление маминой красоте.

В машине ехали молча. Старая «шестерка» скрипела и дребезжала, казалось, вот-вот развалится на части, как разваливалась на глазах вся их несуразная семья.

Когда подъехали к дому, Элька обернулась с переднего сиденья, попросила виновато:

– Мишк, ты вынеси Игорю вещи, одежду там какую-нибудь, документы... У него ж ничего нет, а сам он не пойдет, не хочет...

– Да, конечно, только не сейчас. Ты позвони завтра, я скажу, когда можно будет забрать.

– Ты не обижайся на нас, ну так вот получилось, что теперь делать. Ладно?

– Ладно, не буду. Все в порядке. Пока.

Она вышла из машины, деликатно хлопнув дверью, медленно пошла к подъезду. Идти домой не хотелось. Порыв смелости куда-то улетучился, чувство вины по-прежнему уютно устроилось внутри, свернулось мягкой кошечкой. Нет, ничего она сегодня про Мариуполь маме не скажет. Может, потом. А может, и не будет никакого Мариуполя...

Соня

Сердце бешено заколотилось, когда у подъезда вдруг остановился их старенький жигуленок, такой родной и знакомый, весь забрызганный весенней грязью. Соня отскочила от окна, заметалась по комнате, что-то на себя надевая, одновременно причесываясь, пытаясь побороть волнение. Бросилась к двери, стояла, трясясь всем телом, будто решался вопрос ее жизни и смерти. Сильно вздрогнула от звонка, дрожащими руками потянула рычажок замка. И отступила в глубь коридора, встречая Мишель:

– А где отец? Я видела машину...

– Мам, он больше не придет. Сам сказал. Он действительно ушел, мам...

Соня задохнулась, схватилась за горло, ушла на кухню. Села за стол, широко открытыми глазами уставилась в никуда, тихо раскачиваясь всем корпусом, с силой прижимая локти к бокам. Раздевшись, Мишель вошла к ней на кухню, села напротив:

– Мамочка, ну не надо так, мы справимся...

– Кто справится и с чем справится? – вздрогнув, как от удара плетью, зло и капризно заговорила, почти закричала Соня. – Ты знаешь, сколько мне лет? Что у меня впереди? Старость, климакс, болезни! Вечный поиск работы ради копеечной зарплаты!

– Мамочка, ну ты же у нас умница, красавица, выглядишь очень молодо... У тебя еще все устроится!

– Ничего у меня уже не устроится, не говори глупости! Кино насмотрелась, что ли? Про слесаря Гошу из электрички? Или про новогоднего врача в образе счастья? Нет, дорогая, в жизни все по-другому устроено! И на мою голову из самолета прямо в квартиру не свалится добрый интеллектual, под гитару поющий, неженатый, готовый влюбиться за одну новогоднюю ночь...

– Мам, ну не надо, прости меня, я говорю все не то, наверное. Но ведь ты же и с папой была одна, сама по себе, значит, не нужен он тебе. Ты же его не видела, не замечала... Что изменится-то в твоей жизни?

– Нет, ты совсем меня не слышишь, что ли? Чего ты всякие глупости несешь! У меня было все, понимаешь? У меня был статус замужней женщины, который меня спасал, давал защиту от хамов и возможность выбирать, ходить мне к этим хамам на работу каждый день или быть свободной от них! Я сейчас я кто? Да никто!

– Ага, а отец, значит, и был предназначен только для того, чтобы давать тебе этот статус!

Соня и Мишель, одновременно вздрогнув от неожиданности, повернули головы. В дверях кухни стояла Сашка, розовая после душа, с тюрбаном полотенца на голове, в коротком халатике, открывающем для обзора идеально круглые колени.

– Мам, ты хоть помнишь, как наш папа выглядит? У него ведь даже места своего здесь не было! Когда приходил, и куртку, и брюки, и рубашку снимал в коридоре! Ты понимаешь, что у тебя мужа-то и не было никогда? А если тебе статус нужен, так не ставь штамп в паспорте о разводе!

– Сашенька, ты меня не понимаешь...

– Ой, да все я понимаю! Заладила – понимаешь, не понимаешь... Тысячи женщин живут без мужей, и ничего, не умерли, работают, по-своему счастливы... Я вот, например, замуж не хочу вообще выходить. Сама себе на жизнь заработаю столько, сколько мне надо. И мне никто не нужен. И из-за статуса никогда страдать не буду.

– Ну, пока ты еще начнешь зарабатывать по своим потребностям, много времени пройдет, – жестко сказала Соня.

– Да нет, мам, не так уж и много... Не хотела говорить пока, да ладно. В общем, меня взяли на работу в ночной клуб стриптизершей. Через два месяца получу аттестат, схожу на выпускной – и за работу!

– Сашка! – в унисон ахнули Соня и Мишель, одинаково прижав к ладоням щеки.

– Стоп, девочки! Стоп! Не надо комментариев! Я и без них понимаю, что вы против. Конечно же против! И даже очень сильно, и даже категорически против. Договоримся так: я ставлю вас перед фактом, а все остальное – без меня!

Сашка грациозно развернулась, подхватив развязавшееся полотенце, и исчезла, оставив мать и сестру в состоянии молчаливого шока.

– Миш... Ты что-нибудь поняла? – спросила Соня, с трудом разлепив онемевшие губы. – Что она сейчас имела в виду? Какой ночной клуб? Какой стриптиз? Нет, что-то я совсем ничего не соображаю... Наверное, это шутка такая. Прикол, да? Тоже, нашла время шутить... Ой, голова кружится, плохо мне что-то, Мишка...

Соня кое-как добралась до дивана, легла, не раздеваясь, укрылась с головой, затихла. Противная тошнота подступила к горлу, даже плакать не было сил.

Пусть все проваливается, пусть все уходит в любовь, в стриптиз, куда угодно, она больше не встанет с этого дивана, пусть делают что хотят...

Сашка

Распустив по плечам мокрые волосы, она искоса взглянула на ворвавшуюся фурией в комнату Мишель. О боже, сейчас начнется...

– Сашк! Ты что, с ума сошла? Разве так можно? Ты что, не видишь, что маме и без тебя плохо?

– Ой, только не надо про «плохо», я тебя умоляю! Это нам с тобой плохо, это отцу плохо, а ей всегда было хорошо! И не надо мне снова рассказывать сказки про то, что мама у нас не такая, как все, что у нее свой там какой-то особенный мир... Ты сама-то хоть представляешь, что это за мир? Запереться в старой хрущобе, избегать людей, до умопомрачения читать книжки – это ты называешь особенным миром? А у тех, кто умеет работать и зарабатывать, кто умеет сам делать свою жизнь, у них что, не особенный мир?

Сашка все больше распалялась, почти кричала, и Мишель умоляюще сложила руки, показывая глазами на дверь:

– Тише ты, мама, кажется, уснула...

– Ты знаешь, Мишка, мне тоже ее в общем-то жалко... – помолчав, уже спокойным шепотом заговорила Сашка. – Только я никогда не буду жить так, как она. У меня все будет: и деньги, и машина, и квартира своя, и куча шмоток всяческих! И зависеть от мужиков я не буду! И бояться ничего не буду!

– И это ты все стриптизом собралась заработать? Машину, квартиру, шмотки... Сашка, я надеюсь, ты это несерьезно лепечешь? Ты хоть понимаешь, что это такое? Через какие унижения надо пройти?

– Понимаю. Я все понимаю. И ко всему я готова. Самое главное, что мне это нравится, вот в чем дело! Нравится танцевать у шеста, нравится, что на меня смотрят, и наплевать, какими глазами, меня это не пробивает нисколько. Ты знаешь, у меня ведь уже репетиции идут, и когда я танцую, я сама улетаю, не думаю ни о чем! Ни как я выгляжу со стороны, ни что обо мне думают... У меня тело во время танца само по себе живет. Я посмотрела кассету со своим танцем, ты знаешь, это что-то! Вот такой вот парадокс: мама улетаёт от Чехова, а я – от стриптиза...

– Ой, Сашка, не пугай меня. Я даже слушать тебя боюсь, а маме вообще плохо стало.

– Да ладно тебе, плохо ей! Ей не из-за меня плохо, а за себя, любимую, страшно – что-то теперь будет... Дочка в стриптизерши подалась! Позор на материнскую голову!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.